

Слово «охота» не могло не заставить Цзян Лэ задуматься.

Под этой функцией действительно отображалась карта. Когда Цзян Лэ открыл её, он увидел несколько светящихся точек. Это были координаты мест, где когда-то были убиты разные существа, за которых Цзян Лэ получал показатель исследования. У мутировавших существ разных уровней насыщенность света отличалась: чем темнее цвет, тем выше уровень.

Но сколько бы Цзян Лэ ни рассматривал детали и ни пробовал нажимать на светящиеся точки, другой информации не появлялось. Только в правом нижнем углу карты была строка: «Показатель строительства не достиг нормы, карта временно не может быть открыта».

Когда он нажал на эту строку, ниже появилось более подробное объяснение.

Проще говоря, показатель строительства означал степень развития фермы. Начиная с момента, когда Цзян Лэ получил эту карту, только когда развитие фермы достигнет определённой стадии, карта откроет одну координату и предоставит Цзян Лэ местонахождение некоторых мутировавших существ.

Сейчас полная шкала показателя строительства показывала 100. Вроде бы не так уж много, только пока неизвестно, сколько строительных очков даёт каждый конкретный пункт. Так или иначе, Цзян Лэ мог лишь временно закрыть карту и сосредоточиться на планировании дел после обновления фермы.

Первой он вынес на рассмотрение функцию приёма.

Главная роль этой функции заключалась в увеличении населения фермы. Производство и потребление формировали цикл, полезный для развития фермы. И работники, и жители через свою деятельность вокруг фермы могли прямо или косвенно увеличивать опыт Цзян Лэ.

Можно сказать, что планомерное и постепенное увеличение населения фермы было очень полезно для повышения уровня Цзян Лэ.

Но из-за этого Цзян Лэ не собирался принимать кого попало. Даже если чем больше условий он выставлял, тем выше становилась стоимость оповещения, он всё же открыл список фильтров функции широкого оповещения и постарался задать условия, максимально близкие к тому, что ему было нужно.

Пол не имеет значения. Возраст от шестнадцати лет. Предпочтение тем, у кого есть семья. Обычные люди без постоянного места жительства, уровень жизни ниже среднего для нынешнего общества.

Закончив настройку условий, он мог выбрать область рассылки. Чем шире область, тем больше требовалось монет.

Цзян Лэ ограничил область рассылки радиусом в сто километров от фермы и нажал подтверждение. На экране появилось: «Поиск...»

Спустя десять с лишним секунд поиск завершился, и выскочила новая строка:

«В радиусе ста километров требованиям рассылки соответствуют 53 человека. С учётом их спутников, в случае успешного приёма население фермы может увеличиться на 124 человека. Хозяин, подтвердить отправку координат фермы этим 53 людям?»

Цзян Лэ нажал «подтвердить».

«Координаты фермы успешно отправлены 53 людям. Люди, получившие оповещение, неосознанно направятся к ферме и по стечению обстоятельств найдут её местоположение. Самые быстрые, как ожидается, придут в течение недели. Хозяин, пожалуйста, подготовьте для них подходящие условия приёма и увеличьте показатель строительства».

Подготовить условия для этих людей было нетрудно. Сотня с лишним человек для деревни Цзянцзя вполне помещались, но навести порядок действительно было необходимо.

Цзян Лэ ввёл в административной панели системы соответствующие задания.

«Расчистить дома деревни Цзянцзя ×60».

«Отремонтировать повреждённые жилые дома ×45».

«Починить деревенские дороги деревни Цзянцзя».

«Построить простой торговый рынок».

«Отремонтировать центр активности деревни».

...

После того как он разместил целый ряд дел, соответствующий список быстро появился на досках объявлений фермы и деревни Цзянцзя. Задания различались по сложности, после выполнения можно было получить разные рабочие баллы. Поскольку эти работы находились за пределами фермы и считались сверхурочными, баллов давали немного больше.

Едва Цзян Лэ опубликовал задания, на них быстро обратили внимание.

Люди из предыдущей волны, принятые в деревню Цзянцзя, в основном уже стали

официальными работниками. Но поскольку проживание в деревне Цзянцзя давало жилищную субсидию в баллах, многие так и не переехали на ферму. Кроме того, среди них были такие, как мать Дин Минчэна: человек в возрасте, да ещё с подорванным здоровьем. Она действительно не могла привыкнуть к относительно тяжёлому физическому труду на ферме, так что безработные тоже имелись.

Эти задания очень быстро разобрали. За два-три дня деревня Цзянцзя под руками работников в целом преобразилась. Даже мутировавшие сорняки между каменными плитами деревенских дорожек были вычищены.

Каждое повышение уровня фермы сопровождалось новым строительством, и этот раз, естественно, не стал исключением.

Новые мастерские строились в разных зонах фермы. Скотобойный цех, например, стоял в зоне животноводства. Сахарную мастерскую строили в зоне, где в будущем в основном должны были выращивать сахарные культуры. По такому же принципу постепенно вводились в строй маслобойня, ткацкая и другие маленькие мастерские.

Разные участки каждой мастерской могли вместить разное число работников, но в целом добавленные на этот раз мастерские давали ферме около сорока рабочих мест.

И это ещё не считая рабочих мест, которые должны были появиться после добавления в деревне Цзянцзя столовой для принятых людей, рыночных лотков и некоторых других построек.

В общем, в той партии людей, которую ферма примет через функцию широкого оповещения, если считать каждую семью отдельной единицей, у каждой семьи по меньшей мере должен будет быть один официальный работник, который обеспечит им базовый уровень жизни.

Помимо бурного строительства на ферме, когда вся сопутствующая инфраструктура, например загоны для свободного выгула, была готова, Цзян Лэ официально закупил новую партию молодняка и с самого раннего возраста начал выпускать их за пределы фермы на свободный выгул.

Этот молодняк по сути не отличался от того, что выращивали внутри фермы. Единственная разница заключалась в условиях роста. По сравнению с животными, которые на ферме спокойно ели корм, окрестности фермы, даже оставаясь относительно безопасными, всё равно были полны мутировавших существ. Цзян Лэ было любопытно, какие изменения произойдут с выросшими в таких условиях животными.

Первыми на свободный выгул отправили кур, уток и гусей. Из скота были свиньи и овцы.

В этой партии каждого вида молодняка было от сотни с лишним голов. В первый же день после покупки работники, назначенные Цзян Лэ, выгнали их за пределы фермы на выпас, а до

наступления темноты должны были вернуть.

Нин Вэньвэнь стала одной из выбранных пастухов.

Она отвечала за выгул стада утят. Больше сотни утят ещё были покрыты нежно-белым пушком. Когда их выпустили из клеток, они повертели головами и устали на Нин Вэньвэнь, которая держала в руке выданную ей бамбуковую палку.

Нин Вэньвэнь сначала волновалась, что без опыта не справится, но вскоре обнаружила: эти утята необычайно умны. Стоило ей слегка махнуть бамбуковой палкой, и стадо утят сразу меняло направление так, как ей было нужно. Нин Вэньвэнь немного успокоилась.

Она всю дорогу гнала утят к назначенной фермерской зоне. Здесь был дикий пруд, в воде росло много мутировавших водных трав. Водяные гиацинты достигали размера головы Нин Вэньвэнь и ещё шевелились в воде. Время от времени из пруда высывались клешни, непонятно, мутировавшего краба или рака. Они щёлкали в воздухе с металлическим лязгом, и Нин Вэньвэнь всей кожей становилось не по себе.

Но эту зону ферма уже несколько раз чистила. Сейчас в воде существовали только низкоуровневые мутировавшие существа 1-го или 2-го уровня. Нин Вэньвэнь подняла голову и взглянула на огуречные плети, увешанные плодами неподалёку. Хотя здесь она была одна, мутировавших существ в диком пруду уже боялась не так сильно.

Нин Вэньвэнь погнала утят к берегу. Она хотела сама попробовать достать им немного водной травы, но стоило дойти до пруда, как эти крохотные утята, каждый размером всего с её кулак, один за другим прыгнули в воду и тут же скрылись под мутировавшими водяными гиацинтами.

Нин Вэньвэнь вскрикнула. Испугавшись, что утят в пруду будут хватать по одному, она поспешно бамбуковой палкой раздвинула водные травы и хотела позвать утят обратно. Но не успела она вытащить палку, запутавшуюся в траве, как увидела: мутировавшие водяные гиацинты, изначально покрывавшие поверхность пруда, начали понемногу опускаться. Затем больше сотни утят постепенно показали головы. Их нежные клювы пожирали мутировавшие водяные гиацинты с такой скоростью, которая просто не укладывалась у Нин Вэньвэнь в голове.

Всего за несколько минут в мутировавшей водной траве пруда был прогрызен проём, достаточно большой, чтобы утята свободно плавали, а зобики самих утят стали выпуклыми.

За это время Нин Вэньвэнь ещё увидела, как мутировавший рак, прятаясь среди водной травы, попытался протянуть клешню к утёнку. Но клешня, настолько твёрдая, что у Нин Вэньвэнь от неё до сих пор оставался неприятный осадок, от одного удара утинового клюва сразу получила дыру.

Нин Вэньвэнь стояла у пруда: сначала волновалась, потом восхищалась, а в конце концов

спокойно разрешила им оставаться в воде.

Сама она села под огуречным растением и стала ждать, пока пройдёт время. Но Нин Вэньвэнь не была одинока. В её рукаве что-то шевельнулось, и вскоре оттуда вылезла дочерняя лоза.

С тех пор как в прошлый раз Цзян Лэ передал ей эту лозу, Нин Вэньвэнь всё время носила её при себе. У неё даже выработалась привычка болтать с лозой обо всяких мелочах. Хотя словесного ответа она не получала, Нин Вэньвэнь находила в этом странное удовольствие.

Кровавая лоза давала ей особое чувство безопасности. Если бы эта лоза не была всё время рядом, Нин Вэньвэнь не осмелилась бы принять работу пастуха.

Нин Вэньвэнь сидела-сидела и в итоге легла. Сонливость постепенно накатила. Она посмотрела на утят в пруду и напонила:

— Вы только не убегайте куда-нибудь ещё.

Утята издали нежные звуки, словно ответили Нин Вэньвэнь.

Нин Вэньвэнь постепенно заснула.

Когда она снова проснулась от лёгкого шороха рядом, прошло всего около получаса. Нин Вэньвэнь повернула голову и увидела, что одна дочерняя лоза полуприподнялась, как кобра, и смотрит на неё.

Хотя лозы были внешне похожи, Нин Вэньвэнь сразу почувствовала: эта лоза совсем не такая, как её.

Присмотревшись, Нин Вэньвэнь обнаружила, что её собственная лоза с откровенно заискивающим видом крутится вокруг этой грозной лозы.

— Что случилось? — тихо спросила Нин Вэньвэнь.

Грозная лоза смотрела на неё очень долго, и у Нин Вэньвэнь несколько раз успели пробежать мурашки. В конце концов эта лоза кончиком побега нарисовала на земле рот, а потом сверху добавила к нему жирный крест. С каким-то предупреждающим видом она развернулась и ушла.

Нин Вэньвэнь долго думала, но так и не поняла, что это означало.

Она снова легла и посмотрела на лозу, которая всё ещё криво лежала рядом с ней. Спустя довольно долгое время Нин Вэньвэнь вдруг хлопнула себя по лбу.

— Это значит, что ты хочешь сказать мне: ты не можешь говорить?

Чем больше она думала, тем сильнее убеждалась, что именно так. Тут же сказала:

— Ничего страшного. Я говорю, ты слушаешь — тоже очень хорошо.

Когда вечером Нин Вэньвэнь погнала утят обратно на ферму, дочерняя лоза, сопровождавшая её, нашла возможность тайком вернуться к материнскому телу и, как остальные дочерние лозы, снова соединиться с ним.

Но в ту же секунду, когда соединение произошло, материнское тело прогнало её прочь.

В сознание дочерней лозы ворвался ругательский голос, словно нашёл главного виновника:

— Чёрт побери, это ты! Ещё раз принесёшь сюда мусорную информацию, я тебя задушу!

Дочерняя лоза слишком долго была отделена от материнского тела и чувствовала растерянность. Она снова подползла ближе, и как раз когда ощутила, что материнское тело собирается прогнать её ещё раз, внезапно заметила изменение потоков воздуха в комнате.

Это вошёл Цзян Лэ.

— Кого задушишь? — Цзян Лэ сел за офисный стол и мимоходом спросил.

Дочерняя лоза почувствовала, как материнское тело мгновенно притихло. Через мгновение послышался послушный голос:

— Никого. Я ничего не душило.

Цзян Лэ не стал внимательно разбираться в словах кровавой лозы. За последние два дня он уже привык к тому, что кровавая лоза иногда разговаривает сама с собой.

А вот волчонок... Цзян Лэ обернулся и посмотрел на щенка, который только что шёл следом за ним, а теперь, едва Цзян Лэ сел, сразу сам запрыгнул к нему на колени. Щенячья пасть была крепко закрыта, и он вовсе не собирался открывать рот.

Понимать язык всё же не означало читать мысли напрямую. Если существо не говорило, как кровавая лоза со своим вторым «старшим братом» с дурным характером, Цзян Лэ не мог знать, о чём оно думает.

Например, волчонку Цзян Лэ в первый же день после получения навыка общения сообщил, что

теперь они могут напрямую разговаривать. Но реакция волчонка была всего одна, предельно краткая:

— О.

Липучий щенок молчал, как золото, а раздражительная кровавая лоза могла в одной фразе трижды помянуть чьего-нибудь отца.

И правда, по внешности лозу и волка совсем не угадаешь.

Цзян Лэ открыл компьютер и посмотрел на прогресс набора через функцию широкого оповещения. На экране отображались текущие координаты этих людей. В последние дни они действительно постоянно приближались к ферме. Самая быстрая семья, по расчётам, уже завтра вечером должна была добраться до подножия горы. Цзян Лэ заранее распорядился: в эти дни Мао Сяофэй, Кун Шуя и другие обладатели способностей должны спускаться к подножию и «случайно» встречать этих беженцев.

Кроме того, по мере развёртывания строительства в последние дни Цзян Лэ подтвердил, сколько показателя строительства дают разные фермерские проекты для требований охотничьей карты.

Под строительством здесь подразумевались не только здания в физическом смысле, но и степень развития фермы. После того как мастерские, расширение общежитий для работников, загоны для свободного выгула животных и прочее были устроены, показатель строительства увеличился примерно на двадцать пунктов, что было уже намного быстрее, чем ожидал Цзян Лэ.

Кроме того, Цзян Лэ обнаружил: такие постройки, как столовая и комната активности, повышающие качество жизни принятых жителей, дают даже больше показателя строительства. Просто это работает только при первом добавлении. Повторное строительство почти не влияет на показатель.

В целом на данный момент показатель уже достиг сорока пунктов. Прогресс был намного быстрее, чем предполагал Цзян Лэ.

Когда он погрузился в экран, раздался молодой голос.

Щенок у него на руках издал «ау-у», но в уши Цзян Лэ для Цзян Лэ это прозвучало словами:

— Цзян Лэ, почему ты всё ещё меня не гладишь?!

Голос на самом деле был очень красивым. В произношении даже чувствовалась холодная отстранённость. В сочетании с тоном человека, стоящего над десятками тысяч, стоило закрыть

глаза, и в голове почти сразу возникало лицо невероятного красавца.

Но Цзян Лэ опустил голову, посмотрел на щенячью морду, на маленькие глазки-бусинки, вспомнил только что прозвучавший голос и ощутил совершенно невероятное несоответствие.

И голос был ещё полбеды. Само содержание фразы тоже было слишком странным.

На какой-то миг Цзян Лэ почувствовал, что у него на руках лежит не четырёхглазый щенок, а восемнадцатилетний парень-студент. И этот студент просит его погладить.

От такого жуткого сравнения у Цзян Лэ на секунду онемела кожа головы.

Но после того как волчонок произнёс фразу, его глаза прямо уставились на Цзян Лэ.

У волчонка в облике щенка глаза были чёрными, без отстранённой прозрачно-голубой холодности волчьего облика. Восемнадцатилетний студент и всё такое было в конце концов лишь его собственной ассоциацией и никак не относилось к реальности.

Цзян Лэ снова и снова убеждал себя этой мыслью и вспомнил, как обычно ладили человек и волк. Действительно, он часто гладил щенка.

Неужели теперь надо отдалиться от своего щенка только потому, что у него странный голос?

Что это тогда за хозяин.

Думая так, Цзян Лэ медленно поднял руку. В итоге, преодолев психологический барьер, он осторожно положил ладонь на мягкий живот щенка. Почувствовав под ладонью температуру, намного более высокую, чем в окружающей среде, он неторопливо погладил несколько раз и постепенно расслабился.

Получив привычные поглаживания, щенячьи глаза наконец медленно отвели взгляд. Лапы растеклись в стороны, щенок лёг плашмя.

— В следующий раз не жди, пока я напомню, чтобы погладить меня, — недовольно добавил щенок напоследок.

Всё тот же холодный голос красавца-божества, будто с магической силой, непрерывно лез Цзян Лэ в уши.

Цзян Лэ с некоторым оцепенением ответил:

— ...Хорошо.

Он вдруг почувствовал, что иногда собаке всё-таки лучше молчать.

Сюй Ивэй проснулся от жажды и голода. Он взглянул на Чжао Жун рядом, потом достал из-за пазухи бурдюк с водой и потряс. На дне ещё слышалось жалкое плескание. Он поднял бурдюк, смочил губы, затем разбудил жену, поднёс воду к её губам и хриплым голосом сказал:

— Попей.

Чжао Жун сделала небольшой глоток из его рук и велела убрать бурдюк.

— Потом, когда захочется пить, ещё выпьем.

Сюй Ивэй негромко угукнул и настороженно осмотрел окрестности. Это были руины. Большую часть времени мутировавшие существа здесь не задерживались, но кто знает, не забредёт ли что-нибудь случайно.

Они вышли в путь уже три дня назад, запас еды почти закончился. Отправились они потому, что несколько дней назад Чжао Жун внезапно сказала ему: она вспомнила, что в Цзянши у неё есть родственник. Пока мир ещё не погрузился в полный хаос, она слышала, что тот родственник был мелким начальником в пункте приёма. Может быть, им стоит пойти к нему.

Сюй Ивэй сначала хотел сказать, что Чжао Жун, кажется, никогда не бывала в Цзянши. Да и дело было так давно. Кто знает, жив ли этот родственник сейчас.

Трудности апокалипсиса они пережили сами и понимали всё слишком ясно.

Но, с одной стороны, их базу некоторое время назад уничтожила волна зомби, и ради выживания приходилось пробовать любую возможность. С другой стороны, Чжао Жун очень уверенно сказала Сюй Ивэю, что знает дорогу в Цзянши.

Именно поэтому Сюй Ивэй вместе с Чжао Жун вступил на этот опасный путь.

По дороге они ещё несколько раз встречали зомби, но, к счастью, уровень у тех был низким. Сюй Ивэй и Чжао Жун вместе убили их.

Чжао Жун выбралась из руин. На самом деле ей самой тоже казалось это удивительным. Например, сейчас снаружи была кромешная тьма, прежнее дорожное покрытие давно было

разрушено или закрыто разными мутировавшими животными и растениями. Но, опираясь лишь на смутные воспоминания детства, она почему-то необъяснимо твёрдо понимала, куда идти.

Перетерпев усталость и голод до рассвета, супруги снова отправились в путь.

Они шли примерно полдня, взбирались через горы, и вдруг Сюй Ивэй услышал шуршание в траве сбоку. Он крепче сжал нож, рукоять которого была перемотана полосками ткани, и вместе с Чжао Жун насторожился.

Существо в траве быстро показало голову. Это была мутировавшая кошка. Судя по размеру тела и злобному виду, её уровень был не слишком низким, как минимум 2-й.

Сюй Ивэй сглотнул и не ослабил бдительности. Вместе с женой, один впереди, другая позади, они медленно начали двигаться в сторону от мутировавшего существа.

Мутировавшая кошка была немаленькой, но уверенности в том, что она сможет за раз поймать двух взрослых людей, тоже не имела. Обе стороны на время застыли в противостоянии.

Так шаг за шагом. Внезапно мутировавшая кошка прижалась к земле и издала страшный кошачий вопль. Затем её тело словно что-то потащило назад против её воли.

Появилось что-то ещё более страшное.

Сюй Ивэй и Чжао Жун переглянулись, без колебаний схватили друг друга за руки и бросились вперёд.

Неизвестное существо позади быстро проглотило мутировавшую кошку и начало преследовать Сюй Ивэя и Чжао Жун. Они не смели оглянуться и тем более не смели остановиться. Только чувствовали, что сухой воздух во время бега холодом пронзает грудь.

Звук за спиной становился всё ближе, ближе. Сюй Ивэй изо всех сил скосил взгляд назад и увидел: их преследует отросток лозы девичьего винограда.

Он слышал о направлении мутации девичьего винограда. Говорили, листья могут быть похожи на метательные ножи и в одно мгновение перемалывать человеческую плоть. С их скоростью им, вероятно, просто не успеть убежать.

Но до последнего мгновения человек всё равно не хочет так просто умереть.

Супруги крепко держались за руки. Шаги становились всё медленнее, всё слабее, пока наконец силы не оставили их. Сюй Ивэй споткнулся, Чжао Жун тоже упала на землю, и они вместе

свалились перед каким-то растением в траве.

Сюй Ивэю показалось, будто в уголке глаза мелькнула чрезвычайно яркая краснота. Когда он опёрся руками и поднял голову назад, он заодно разглядел: над ними рос помидор.

Почему он был в этом так уверен? Да потому что, после того как они насмотрелись на уродливые и мерзкие формы мутировавших существ, этот куст помидоров можно было назвать почти красивым и ясным: совершенно стандартные круглые пухлые большие томаты, гроздьями висящие на крепких ветвях и гордо покачивающиеся на ветру, полные праведного духа.

Но ни Сюй Ивэй, ни Чжао Жун уже не успевали думать об этом. Девичий виноград позади замедлил преследование не из милосердия, а из-за жестокой привычки мутировавших существ играть с добычей.

Сюй Ивэй изо всех сил опёрся о землю и сел. Но это лишь позволило ему повернуться лицом к девичьему винограду, совершенно не помешав тому вытянуть ветви и листья, уже обвившие щиколотки его и жены.

Стоит листьям девичьего винограда напрячься, и их лодыжки тут же будут перерезаны.

Сюй Ивэй и Чжао Жун затаили дыхание. Им казалось, что это мгновение растянулось до бесконечности. Каждое движение девичьего винограда словно разворачивалось в их глазах замедленной съёмкой.

Однако ожидаемая кровавая сцена не случилась. Вместо этого в самый критический миг сверху с огромной скоростью что-то сорвалось вниз и прямо ударило по девичьему винограду.

Пух!

Что-то лопнуло. Алый сок сначала показался Сюй Ивэю его собственной кровью. Только стерев с лица томатный сок, он разглядел, что произошло.

С помидорного куста над их головами слетел помидор и точно, жестоко ударил по лозе девичьего винограда у их ног. Листья девичьего винограда, прежде полные сил, будто полностью ошеломлённые одним этим помидором, свернулись в комок и начали непрерывно дрожать. Спустя несколько секунд даже дрожь исчезла. Казалось, лоза уже окончательно умерла.

Такой резкий поворот был слишком неожиданным. И супруги испугались, что в следующую секунду ещё один помидор вылетит и разобьёт их насмерть.

Они на четвереньках отползли от томатного куста подальше и подумали: конечно, в такие времена помидор, который выглядит настолько стандартно, тоже не может быть слишком

нормальным.

Только Сюй Ивэй смотрел на помидорный куст, который гордо выпятил грудь на ветру и выглядел очень надёжным, и невольно облизал томатный сок в уголке губ.

Эй, а вкус-то неплохой.

<http://bllate.org/book/17649/1690978>